

СТЕФАН ЦВЕЙГ

---

*ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА
ИЗ ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.112.2-31(436)

ББК 84(4Авс)-44

Ц26

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с немецкого

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Цвейг, Стефан.

Ц26

Двадцать четыре часа из жизни женщины : [сборник : перевод с немецкого] / Стефан Цвейг. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 288 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-118022-5

«Редкое и счастливое соединение таланта глубокого мыслителя с талантом первоклассного художника» — так Максим Горький охарактеризовал творчество Цвейга. В его «новеллах настроения», «новеллах крайних ситуаций» читатель вслед за героями теряет чувство реальности и погружается в мир глубоких душевных переживаний, где чувства обнажены до предела.

Эти истории о роковых встречах и превратностях судеб раскрывают самые сокровенные тайны человеческого сердца, с поразительной яркостью показывая, насколько беззащитны мы перед разрушительной силой страсти.

УДК 821.112.2-31(436)

ББК 84(4Авс)-44

© Перевод. М. Рудницкий, 2019

© Перевод. С. Фридлянд, наследники, 2019

© Перевод. В. Топер, наследники, 2019

ISBN 978-5-17-118022-5

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Шахматная новелла

На океанском лайнере, что в полночь отходил из Нью-Йорка в Буэнос-Айрес, царили суета и смятение последнего часа, какие обыкновенно сопутствуют отплытию. Спеша попрощаться, протискивались через толпу провожающие, мальчишки-телеграфисты в съехавших набекрень фуражках, выкрикивая фамилии адресатов, как угорелые носились по всему кораблю, кому-то несли цветы, кому-то багаж, возбужденная детвора сновала вверх-вниз по лестницам, и только корабельный оркестр на верхней палубе невозмутимо наярировал марш. Чуть поодаль от всей этой суматохи я беседовал с приятелем на прогулочной палубе, когда совсем рядом с нами два-три раза ослепительно полыхнули фотовспышки — должно быть, это в последние минуты перед отплытием репортеры интервьюировали и спешили запечатлеть очередную знаменитость. Приятель мой глянул в ту сторону и улыбнулся.

— Да у вас на борту редкая птица, сам Сентович. — И поскольку я, по всей видимости, скроил недоуменную физиономию, он пояснил: — Мирко Сентович, чемпион мира по шахматам. Он только что всю Америку вдоль и поперек с гастролями объездил, теперь, должно быть, в Аргентину направляется, новые лавры пожинать.

Только услышав имя и фамилию молодого шахматного гения, я припомнил, что конечно же кое-что

слышал и о нем самом, и о его удивительной карьере, яркой и неудержимой, точно взлет ракеты. Приятель же мой, куда более истовый любитель газетного чтения, нежели я сам, тут же обогатил мои познания ворохом занятных подробностей. Сентович примерно год назад вошел, нет, ворвался в когорту признанных корифеев шахматного искусства, встав в один ряд с выдающимися гроссмейстерами, такими как Алехин, Капабланка, Тартаковер, Ласкер и Боголюбов. После Нью-Йоркского турнира 1922 года, когда всех поразила семилетний вундеркинд Решевский, ни одно вторжение в шахматный мир новой, прежде совершенно неизвестной звезды, не вызывало столь живого и всеобщего интереса. Дело в том, что интеллектуальный уровень Сентовича, казалось, вовсе не сулил ему столь блестящей карьеры. Уже вскоре просочились слухи, что в обычной жизни сей шахматный принц не в силах без орфографических ошибок написать ни единого предложения ни на одном языке мира, и, как ядовито пошутил один из его раздосадованных коллег-соперников, «невежество его во всех областях одинаково всеобъемлюще». В богом забытой дунайской деревушке он рос сыном нищего лодочника, чью утлую барку однажды ночью попросту подмяла под себя и потопила баржа с зерном, а после гибели отца двенадцатилетним мальчишкой из милосердия был взят на попечение приходским священником, который, добрая душа, честно старался домашними занятиями наверстать все, что его воспитанник, сонный увалень и твердолюбий тупица, не успевал усвоить на уроках.

Однако все его усилия были тщетны. Мирко с неизменным тупым изумлением таранился на бук-

вы и числа, объясняемые ему в сотый раз, и удерживать в памяти даже простейшие азы школьной премудрости его дремлющий разум был просто не в силах. Если возникала надобность что-то сосчитать, он и в четырнадцать лет делал это на пальцах, а прочесть страницу книги или газету для подростка по-прежнему оставалось трудом почти непосильным. При этом назвать Мирко лентяем или упрямым было никак нельзя. Он послушно делал все, что прикажут: таскал воду, колол дрова, работал с крестьянами в поле, убирал кухню и вообще вполне добросовестно, хотя и с раздражающей медлительностью, справлял всякое порученное ему дело. Но более всего добряка-священника огорчала и даже сердила в малохольном подростке полнейшая его безучастность. Сам, без посторонней просьбы, он не предпринимал ровным счетом ничего: вопросов не задавал никогда, с другими ребятами не играл и вообще не искал для себя занятий, ежели ему таковые не поручались; закончив дела по хозяйству, Мирко тупо сидел в комнате, уставившись в пространство мутным взглядом овцы на выпасе, и никакого иного участия в событиях окружающей жизни не принимал. И вечерами, покуда священник, попыхивая длинной крестьянской трубкой, играл с жандармским вахмистром три обычные партии в шахматишки, белобрысый парень безмолвно сидел рядом, сонно и, как казалось, безучастно глаза из-под тяжелых век на черно-белые поля шахматной доски.

Однажды зимним вечером, когда давние партнеры только-только углубились в очередную партию, с деревенской улицы послышался тревожный и все быстрее приближающийся перезвон колокольчи-

ка на чьих-то санях. Еще через секунду в избу ввалился мужик в запорошенной снегом шапке и выпалил с порога, что у него, мол, старуха-мать помирает и пусть уж батюшка поторопится, а то как бы с последним причастием не опоздать. Священник немедленно последовал за ним. Жандармский вахмистр, даже не допивший еще свою кружку пива, раскурил напоследок новую трубочку и уже приготовился натягивать свои тяжеленные высокие сапоги, как вдруг заметил, что Мирко все еще, словно замороженный, смотрит на доску с недоигранной партией.

— Что, может, доиграть охота? — шутки ради спросил вахмистр в твердой уверенности, что этот сонный полудурок ни одного шахматного хода не знает. Парень, однако, боязливо поднял глаза, робко кивнул и сел на место священника. Четырнадцать ходов спустя вахмистр сдался и вдобавок вынужден был признаться себе, что проиграл он отнюдь не из-за какой-то собственной нелепой промашки. Вторая партия завершилась тем же исходом.

— Валамова ослица! — в радостном изумлении вскричал вернувшийся батюшка, растолковав не слишком-то сведущему в Библии вахмистру, что имеет в виду похожее чудо, случившееся примерно две тысячи лет назад, когда бессловесной твари вот так же ниспослан был дар речи вместе с божественной премудростью*. Невзирая на поздний час, священник тоже не удержался от соблазна вызвать на шахматный поединок своего неуча-питомца. Мирко и его разгромил без малейших затруднений. Играл он

---

* Ветхий Завет, Числа, 22 (21—33). — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

неспешно, целеустремленно и совершенно невозмутимо, ни разу не оторвав от доски низко склоненную, набыченную голову. Играл с поразительной уверенностью: в последующие дни ни вахмистру, ни священнику так и не удалось выиграть у него ни одной партии. Батюшку, лучше других способного судить об отсталости своего воспитанника по всем прочим предметам, всерьез разбирало любопытство: как далеко может развиваться, какие испытания способно выдержать столь странное одностороннее дарование? Для начала решив придать своему оболтусу хоть скольконибудь приличный вид, он отвел Мирко к деревенскому цирюльнику и велел обкорнать белобрысые патлы, после чего, усадив парня в сани, повез в соседний городишко, где в кафе на главной площади собирались завзятые шахматисты, тягаться с которыми, уж он-то хорошо знал это по опыту, ему лично было не по плечу. Появление священника с пятнадцатилетним подростком, белобрысым краснощеким увальнем в потертом, овчиною внутрь, тулупе и тяжелых сапожищах, не вызвало в кругу завсегдаев ни малейшего интереса, благо, тот, потупив глаза, боязливо остался стоять в углу, покуда его не подпустили к доске. Первую партию Мирко проиграл, поскольку понятия не имел о сицилианской защите: батюшка, святая простота, такого дебюта отродясь не знал. Однако вторую партию, причем против сильнейшего игрока, он уже свел вничью. А начиная с третьей, он бил всех подряд, одного за другим, без разбору.

В захолустном балканском городишке крайне редко происходит нечто из ряда вон выходящее, так что триумфальный дебют лапотного чемпиона не-

замедлительно стал для местной элиты настоящей сенсацией. Единодушно было решено, что сельский вундеркинд непременно должен остаться в городе до завтра, дабы созвать и остальных членов шахматного клуба, а прежде всего оповестить престарелого графа Симшича, истинного фанатика древней игры, обитавшего неподалеку в родовом замке. Священник, сияя от гордости за своего питомца, однако не забывая за новоявленными триумфами о всегдашнем долге воскресной обедни, согласился оставить Мирко в городе для новых испытаний. Юного Сентовича за счет шахматного клуба определили на ночлег в гостиницу, где он в тот вечер впервые в жизни узрел ватерклозет. На следующий день после обеда шахматная зала была забита битком. Мирко, четыре часа подряд не вставая от доски, не говоря ни слова и даже не поднимая на соперников глаз, одолел их всех, одного за другим. Под конец ему предложили сеанс одновременной игры. Тут, впрочем, понадобилось некоторое время, дабы растолковать самородку смысл предложения: дескать, ему придется в одиночку играть одновременно против нескольких противников. Однако едва Мирко сообразил, что от него требуется, он быстро освоился с новой ролью и, неторопливо прохаживаясь в своих тяжелых, скрипучих сапогах от столика к столику, выиграл в итоге семь партий из восьми.

После чего и состоялся всеобщий шахматный совет. Хотя в строгом смысле новый чемпион не являлся жителем городка, местный патриотизм разгорелся не на шутку. Как знать, быть может, их маленький городишко, о самом существовании коего на географической карте прежде мало кто догады-

вался, впервые удостоивается чести подарить миру настоящую знаменитость. Мелкий торговый агент по фамилии Колер, именовавший себя, впрочем, импресарио и обеспечивавший прежде ангажементами разве что шансонеток да певичек для местного гарнизонного кабаре, изъявил готовность, ежели будет собрана надлежащая сумма, на год определить юное дарование в Вену, где его по всем правилам обучит искусству древней игры некий не слишком известный, но якобы очень сильный шахматный мастер. Граф Симшич, которому за все шестьдесят лет каждодневных шахматных баталий не доводилось встречаться со столь самобытным противником, выписал чек немедленно. С этого дня и началась удивительная карьера сына простого дунайского лодочника.

Через полгода Мирко овладел всеми секретами шахматной техники, за одним, правда, исключением, которое впоследствии неоднократно подмечалось и даже высмеивалось в шахматных кругах. Он так никогда и не научился играть по памяти, без доски, или, как говорят шахматисты, «вслепую». Иначе говоря, он был начисто лишен способности представить шахматную доску в безграничном пространстве человеческой фантазии. Шестьдесят четыре квадрата черных и белых полей ему всегда нужно было видеть наяву, тридцать две шахматных фигуры постоянно иметь, что называется, под рукой; даже в пору своей всемирной славы он неизменно и повсюду таскал с собою портативные карманные шахматы, чтобы, если понадобится разобрать знаменитую партию или проанализировать позицию, можно было наглядно воспроизвести их на доске. Этот изыск, сам по себе не столь уж значительный, свидетельствовал, одна-

ко, о недостающей силе воображения, а потому обсуждался в кругах специалистов с такой же заинтересованностью, как если бы знаменитый музыкант, виртуоз-исполнитель или дирижер, обнаружил неспособность играть или дирижировать, не имея перед глазами раскрытой партитуры. Впрочем, странность эта нисколько не помешала Мирко в его поразительном восхождении. К семнадцати годам он уже выиграл с дюжину турниров, в восемнадцать стал чемпионом Венгрии, а в двадцать завоевал и звание чемпиона мира. Испытаннейшие турнирные бойцы, истинные шахматные корифеи, каждый из которых безмерно превосходил его и творческой одаренностью, и силой ума, и дерзостью фантазии, оказывались бессильны перед бульдожьей хваткой его холодной, неумолимой логики и проигрывали ему, как Наполеон — неповоротливому тугодуму Кутузову, а Ганнибал — Фабию Кунктатору*, чья флегматичность, по свидетельству Ливия, граничила со слабоумием и бросалась в глаза с раннего детства. Вот так и вышло, что в блистательную когорту шахматных гроссмейстеров, объединившую в своих рядах самые разнообразные примеры совершенства человеческого разума — философскую глубину и математический расчет, богатство фантазии и творческую интуицию, — в этот интеллектуальный заповедник впервые ворвался, можно сказать, абсолютный варвар, нелюдимый и косноязычный деревенский олух,

---

* Фабий Максим Кунктатор, Квинт (ум. 203 г. до н. э.), римский полководец и государственный деятель, особо прославился победами над Ганнибалом, в войне против которого избрал тактику осторожного преследования, за что и снискал прозвище Кунктатор (Медлитель).

добиться от которого хоть пары связных, сколько-нибудь пригодных для публикации слов не могли даже самые отпетые журналистские писаки. Впрочем, обделив газеты возможностью печатать от его имени гладкие, безупречно отшлифованные сентенции, новоявленный чемпион с лихвой вознаградил их за это множеством курьезов и анекдотов из собственной жизни. Ибо как только Сентович вставал из-за шахматной доски, где ему действительно не было равных, он в ту же секунду превращался в гротескный персонаж, едва ли не в посмешище, ибо, невзирая на шикарный черный костюм, на роскошный галстук с чересчур крупной булавкой-жемчужиной, на ухоженные маникюром пальцы, он во всех своих манерах и повадках оставался прежним деревенским увальнем, еще недавно подметавшим полы в убогой горнице приходского священника. С неуклюжей мужицкой прямоотой, с поистине бесстыдной, мелочной, а то и просто пугающей жадностью он, к досаде и на потеху всей шахматной братии, принялся выколачивать из своего таланта и оглушительной славы деньги — везде и сколько можно. Он колесил по городам и весям, неизменно останавливаясь только в дешевых гостиницах, соглашался давать сеансы даже в самых паршивых клубах, лишь бы платили гонорар, продал свое фото для рекламы мыла и, презрев издевки соперников, прекрасно знавших, что он и трех фраз связно написать не в состоянии, без раздумий позволил выпустить под своим именем книгу «Философия шахмат», которую по заказу одного ретивого издателя накропал за него безвестный галицийский студентик. Как и все твердолобые натуры, он был напрочь лишен чувства юмора; став

чемпионом мира, он решил, что он теперь и вправду пуп земли — сознание того, что он обыграл всех этих «культурненьких» умников и говорунов, писак и грамотеев на их же поле, а прежде всего тот неоспоримый факт, что он больше их зарабатывает, превратили прежнюю его неуверенность в холодную и, как правило, беззастенчиво выставляемую напоказ надменность.

— Да и как столь скоропалительной славе не вскружить столь пустую голову? — заключил мой приятель, приведя напоследок несколько красноречивых примеров поистине мальчишеской заносчивости Сентовича. — Как деревенскому парню из балканской глубинки не сойти с ума от мании величия, если он, всего лишь передвигая какие-то фишки на деревянной доске, за неделю получает денег больше, чем вся его родная деревня зарабатывает за год, убиваясь на лесоповале или изнуря себя в поле? А потом, это ведь чертовски легко — возомнить себя великим человеком, если ум твой не отягощен даже тенью подозрения, что до тебя на свете жили Рембрандт и Бетховен, Данте и Наполеон. Этот парень своей убогой мужицкой смекалкой постиг только одно: вот уже много месяцев подряд он не проиграл ни единой партии, а поскольку он понятия не имеет, что на земле помимо шахмат и денег, существуют еще какие-то ценности, у него есть все основания пребывать в полном восторге от собственной персоны.

Рассказы приятеля не преминули пробудить во мне совершенно особое любопытство. Люди, одержимые, словно манией, какой-то одной идеей, необъяснимо притягивали меня всю жизнь, ибо чем

больше человек себя ограничивает, тем выше он из этой своей ограниченности поднимается к бесконечному; как раз подобные, на первый взгляд начисто отрешенные от мира индивидуумы, подобно термитам, строят из особой материи своего духа поразительные и поистине уникальные модели мироздания. Вот почему я не стал делать тайны из своего намерения во время двенадцатидневного плавания до Рио посвятить себя пристальному наблюдению за столь ярким феноменом человеческой односторонности.

Приятель, однако, поспешил охладить мой пыл.

— С ним вам не слишком-то повезет, — предупредил он меня. — Сколько я знаю, еще никому не удалось извлечь из Сентовича хоть крупицу материала, достойную интереса психолога. При всей своей бездонной ограниченности этот ушлый крестьянин накрепко усвоил одну великую мудрость: никому не показывать свои слабости. А добывается он этого весьма простым способом: ни с кем, кроме земляков-крестьян, людей своего круга, с которыми он встречается в деревенских корчмах, он ни в какие разговоры не вступает. Стоит ему учуять в собеседнике культурного человека, как он, словно улитка, прячется в свою раковину; зато никто не может похвастаться, что имел возможность лично измерить якобы бездонные глубины его невежества или своими ушами слышал, как Сентович сморозил глупость.

Похоже, приятель мой и в самом деле знал, что говорит. В первые дни путешествия всякая попытка приблизиться к Сентовичу, не проявляя откровенно грубой назойливости — качества, признаюсь, вообще-то мне не свойственного, — оказалась делом совершенно невозможным. Он, правда, ино-

гда появлялся на прогулочной палубе, но неизменно расхаживал по ней в одиночку, заложив руки за спину и всем видом выказывая крайнюю сосредоточенность и гордую неприступность, совсем как Наполеон на известной картине; к тому же само это передвижение — всегда по периметру палубы, широким и резким шагом — совершалось с такой стремительностью, что всякому, кто вздумал бы заговорить с Сентовичем в такие минуты, волей-неволей пришлось бы семенить рядом с ним рысцой. В местах же общественных — в баре, в курительной комнате — он не показывался никогда; как сообщил мне стюард, у которого я доверительно навел справки, большую часть дня Сентович проводил у себя в каюте, разучивая на огромной шахматной доске сыгранные партии или разбирая особо сложные позиции.

Дня через три меня и вправду стало не на шутку злить, что его сугубо оборонительная тактика явно превосходит мой наступательный порыв как-то свети с ним знакомство. А мне за всю жизнь так ни разу и не выпадала удача лично знать кого-то из шахматных гроссмейстеров, и чем больше старался я сейчас вообразить себе, что это вообще за люди, тем все менее правдоподобной представлялась мне умственная деятельность, сосредоточенная на протяжении всей жизни исключительно вокруг квадрата пространства в шестьдесят четыре черно-белых поля. Я, впрочем, по собственному опыту знал о великой магии этой «королевской игры», единственной из игр, изобретенных человечеством, которая не подчиняет себя диктату случая, отдавая пальму первенства исключительно превосходству ума, а вернее, совершенно определенной форме некой умственной ода-

ренности. Впрочем, не оскорбительно ли для шахмат уже само это, заведомо узкое определение в разряд игр? Разве шахматы вместе с тем не наука, не искусство, разве не парят они между тремя этими стихиями, словно гроб Магомета между небом и землей, образуя уникальное единство всех мыслимых и немыслимых противоположностей; древние и вечно юные, механические в способе применения, но подвижные исключительно силою фантазии, ограниченные строгой геометрией пространства и при этом совершенно безграничные числом и разнообразием комбинаций, постоянно пребывающие в развитии, но стерильно неизменные в правилах, это мышление без обязательности выводов, математика без корысти расчетов, искусство без непреложности творений, архитектура без материи строительства, и тем не менее, как это очевидно и неоспоримо доказывается их историей и современностью, — они в своем бытии и бытовании долговечнее книг и шедевров, это единственная игра, ставшая достоянием всех времен и народов, и никому неведомо имя божества, что подарило ее людям, дабы избавлять их от скуки, шлифуя остроту их ума и поддерживая силу их духа. Где начала ее и где концы? Любому ребенку доступно запомнить первые ее ходы, всякий тупица может попробовать в ней свои силы, однако на ограниченном пространстве этого небольшого, клетками расчерченного квадрата выявляются таланты и мастерство совершенно особого рода, предстают миру люди глубоко специфической, шахматной одаренности, своеобразные гении творческой интуиции, терпеливого расчета и виртуозной техники, счастливо и действительно сочетающие в себе эти редкостные качества, по-